

Г. Ф. БЛАНОВА

К МЕТОДИКЕ ИСТОРИКО-АРЕАЛЬНЫХ СОПОСТАВЛЕНИЙ
В ТЮРКОЛОГИИ

I. За последние годы — в значительной мере благодаря инициативе В. М. Жирмунского¹ — в тюркологии стали появляться работы, которые по избираемому в них для анализа кругу языков тяготеют к ареальным исследованиям; в работах этого типа преимущественное внимание уделяется языкам юго-западного ареала (огузским)². Исследования эти ведутся в известной мере стихийно, без какого-либо заранее продуманного плана охвата языковых явлений. Их задачи ясно не сформулированы; более того, признается даже вообще «пока неясным, какие именно вопросы необходимо разрешать в ареальных темах»³, а отдельные авторы пытаются свести такую работу всего лишь к показу «своеобразия грамматических категорий одного языка», которое «особенно ярко выступает при сравнении их с соответствующими категориями родственного языка»⁴. В связи с этим для подобных работ характерно небрежение получаемыми результатами — наблюдаемые совпадения, как и расхождения между двумя (или более) родственными языками одного ареала довольно редко рассматриваются в их совокупности и еще реже интерпретируются.

Между тем, в современном языкознании приемы и методы пространственной лингвистики не только используются для синхронного изучения территориального размещения языковых явлений, но и широко применяются в сравнительной грамматике, прежде всего, индоевропейских языков. Для тюркологических ареальных исследований также сделана попытка выделить синхронный и диахронический аспекты (НЗТИ, стр. 16); в индоевропейистике же именно диахронический аспект лингвистической

¹ См.: В. М. Ж и р м у н с к и й, О диалектологическом атласе тюркских языков Советского Союза, ВЯ, 1963, 6; е г о ж е, О некоторых вопросах лингвистической географии тюркских диалектов, «Тюркологический сборник», М., 1966.

² См.: Г. А. Б а й р а м о в, Некоторые результаты сравнительного изучения глагольных устойчивых словосочетаний азербайджанского и туркменского языков..., «Уч. зап. [Азерб. гос. ун-та]», Серия языка и литературы, 3, 1965; Ф. Р. З е й н а л о в, Служебные части речи в современных тюркских языках (на материале огузских языков). Автореф. докт. диссерт., Баку, 1966; В. Ч а р ы я р о в, Гүнорта-гүнбатар турки дилерде ишлик заманлары, Ашгабат, 1969; е г о ж е, Времена глагола в тюркских языках юго-западной группы. Автореф. докт. диссерт., Ашхабад, 1970; Г. К. К у л и е в, Глагольное управление в азербайджанском и туркменском языках. Автореф. канд. диссерт., Баку, 1969; Л. А. П о к р о в с к а я, Об одном «балканизме» в гагаузском языке и в балкано-турецких диалектах, ВЯ, 1972, 3. Изучением синтаксиса юго-западного ареала в настоящее время занимается Н. З. Гаджиева. Из работ, затрагивающих те или иные языковые явления юго-восточного ареала, можно назвать совсем маленькую статью: К. Т у р с у н к у л о в а, Перифрастические формы глагола в узбекском и казахском языках, «Общественные науки в Узбекистане», 1969, 4.

³ Э. В. С е в о р т я н, Несколько замечаний к тюркологическим исследованиям по грамматике, «Советская тюркология», 1970, 3 (далее — НЗТИ), стр. 16.

⁴ Г. К. К у л и е в, указ. соч., стр. 3.

географии (изучение географического распространения языкового материала в прошлом) принято считать ареальной лингвистикой⁵.

Уже не раз было на деле доказано, что исторические и географические исследования языковых явлений взаимно дополняют друг друга, что «... лингвистическая география оказывается чрезвычайно важной для истории языка и исторической диалектологии и может помочь установлению пути развития данного явления, времени его возникновения и первоначальной территории его распространения ...»⁶. Синхронная методика лингвистической географии, по признанию В. М. Жирмунского, «открывает путь для диахронического изучения развития диалекта как сложного и противоречивого явления в его исторически обусловленной динамике»⁷. Важнейшим компонентом диахронической лингвистической географии признается синхронная лингвогеография исторических срезов языка с последующим сопоставлением языковых данных, которые бывают получаемы в результате этого (ОВЛГ, стр. 32, 76).

Ниже мы пытались использовать применительно к тюркским языкам юго-восточного ареала методику синхронных исторических срезов языка⁸ и их сопоставления на базе разрабатываемых В. Н. Ярцевой принципов сопоставительно-типологического и историко-типологического исследования родственных языков⁹.

В тюркологии практически еще мало условий для развития диахронической лингвогеографии. Работа по составлению диалектологического атласа тюркских языков СССР и диалектологических атласов отдельных языков в тюркоязычных республиках юго-восточного ареала развернулась сравнительно недавно. Типы диалектных систем и ареалы современных тюркских языков намечаются пока еще исходя преимущественно из факторов исторических¹⁰, а не собственно лингвистических. До недавнего времени для описательной тюркской диалектологии было характерно то же положение, что и для соответствующего направления русской диалектологии: ученые все еще, «как правило, не столько исследовали частные диалектные системы именно как системы и притом в соотношении их общих и различительных черт, сколько производили более или менее случайные наблюдения» (ВТЛГ, стр. 13).

Трудности историко-ареального исследования в настоящее время усугубляются, помимо отсутствия сравнительно-исторической грамматики тюркских языков и исторических грамматик отдельных тюркских языков, также, с одной стороны, все еще встречающимся неразграничением проблем, относящихся к исторической грамматике и к истории литературных

⁵ См. об этом, например: Э. А. М а к а е в, Проблемы индоевропейской ареальной лингвистики, М., 1964 (далее — ПИАЛ), стр. 16 и сл.; Д. И. Э д е л ь м а н, Основные вопросы лингвистической географии, М., 1968 (далее — ОВЛГ), стр. 3—4.

⁶ Сб. «Вопросы теории лингвистической географии», М., 1962 (далее — ВТЛГ), стр. 25; см. также стр. 232 и сл.

⁷ В. М. Ж и р м у н с к и й, Предисловие редактора, в кн.: М. А. Б о р о д и н а, Проблемы лингвистической географии, М.—Л., 1966, стр. 4; см.: е г о ж е, О диалектологическом атласе..., стр. 17.

⁸ О попытках «изучать в географическом плане предшествующие фазы развития языка при помощи текстов» см.: Й. Й о р д а н, Романское языковедение, М., 1971, стр. 391 и сл. Ср.: Е. К r a n z m a y e r, Historische Lautgeographie der gesamtbairischen Dialektraums, Wien, 1956.

⁹ См.: В. Н. Я р ц е в а, О задачах сопоставительно-типологического изучения родственных языков, сб. «Вопросы общего языковедения», М., 1964; е е ж е, Принципы типологического исследования родственных и неродственных языков, «Проблемы языковедения», М., 1967 (далее — ПЯ).

¹⁰ См., например: Н. А. Б а с к а к о в, Этнолингвистическая классификация диалектных систем современных тюркских языков, М., 1964; е г о ж е, Основные типы диалектных систем тюркских языков, «Совещание по общим вопросам диалектологии и истории языка (Тезисы докладов)», М., 1969.

языков, а с другой — тем, что приемы синхронного системного изучения грамматики в пределах избираемых исторических срезов языка не получили широкого применения в тюркском языкознании. Все еще особняком стоят сравнительно немногочисленные обстоятельные исследования К. Броккельмана, А. Н. Кононова, А. М. Щербака, Э. Р. Тенишева, С. Н. Иванова и др. по истории грамматического строя тюркских письменных языков юго-восточного ареала.

Чаще всего исследования по истории тюркских языков проводятся в плане разработки языковых особенностей отдельных письменных памятников¹¹, что не способствует восстановлению широкого полотно исторического бытования грамматических форм в их парадигматических соотношениях. Отсутствие предварительного последовательного системного описания исторических срезов языка приводит к тому, что при изучении исторического развития тех или иных грамматических категорий в тюркских языках в нерасчлененном потоке привлекаются формы разновременные и разнотерриториальные.

В применении к изучению истории языка атомарный подход оборачивается «категорическими заявлениями о принадлежности того или иного памятника предкам того или иного из современных тюркоязычных народов»¹². Изучение языка памятников «по языковым особенностям», осложненное стремлением доказать «принадлежность исследуемого памятника предкам того или иного из современных тюркоязычных народов», чревато нивелировкой, своего рода «усреднением» и «осовремениванием» подлинной языковой специфики изучаемых произведений.

II. 1. В условиях, когда, с одной стороны, обстоятельные очерки грамматической систематики языка памятников тюркской письменности различных исторических периодов остаются единичными и почти нет работ сравнительного характера по языкам среднего периода, посредством которых могла бы быть определена подлинная сущность средневекового литературного тюрки, а с другой стороны, далека еще от разрешения на собственном языковом современном материале проблема, «обладает ли каждый ареал такой совокупностью структурных признаков, которая позволяет отграничивать их друг от друга и видеть в них относительно единые образования» (ПИАЛ, стр. 46), мы избрали для типологического историко-ареального исследования современный юго-восточный ареал тюркских языков в том объеме, в каком он традиционно выделяется (узбекский, уйгурский, туркменский, казахский, каракалпакский, киргизский). Для того, чтобы оснастить это исследование историко-типологической ретроспективой, мы вынуждены были довольствоваться еще лишь двумя хронологически условными языковыми срезами, каждый из которых отстоит от последующего примерно на одинаковый временной период. К изучению привлекались: для XI в. — язык, представленный в «Кутадгу билиг»; для рубежа XV—XVI вв. — «Бабур-наме», «Мубайин» Бабура, а также отдельные прозаические произведения Алишера Навои, в совокупности представляющие среднеазиатский тюрки этого периода (далее, просто: тюрки), т. е.

¹¹ Атомарный подход к изучению синхронного исторического среза языка отразился даже и в целой серии названий кандидатских диссертаций. См., например, следующие авторефераты: К. Махмудов, Фonetические и морфологические особенности языка «Хибатул-хакаик», Ташкент, 1964; М. Я. Турбова, Морфологические особенности языка «Шейбани-наме» Мухаммеда Салиха, Ташкент, 1966; У. Мирзакаримова, Морфологические особенности «Кисаси Рабгузи», Ташкент, 1969; А. Рустамов, Некоторые грамматические особенности языка «Махбубул-кулуб» Алишера Навои, Ташкент, 1958; см.: его же, Фонетико-морфологические особенности языка Алишера Навои. Автореф. докт. диссерт., Ташкент, 1966.

¹² Э. Н. Наджиб, О средневековых литературных традициях и смешанных письменных тюркских языках, «Советская тюркология», 1970, 1, стр. 92.

были взяты наиболее объемистые и хорошо сохранившиеся сочинения, которые хотя и разнятся друг от друга в жанровом отношении, с наибольшей полнотой представляют грамматическую систематику своего времени.

Касаясь вопроса о том, как соотносится современный юго-восточный ареал тюркских языков с «ареалами» на двух избранных исторических срезах, необходимо учитывать следующее. Во-первых, нужно принимать во внимание всю сложность механизма исторических причин, действие которых распространялось на территории юго-восточного ареала (неоднократные и интенсивные миграции населения в прошлом, феодальные междоусобицы, в силу которых отдельные территории входили то в одно, то в другое государственное объединение, многие другие исторические события) и в своей совокупности способствовало сложению языков и диалектов в том виде, в каком они существуют в настоящее время. Сюда с полным основанием можно отнести положение диахронической лингвогеографии о том, «что в наши дни „диалект“ имеет мало общего со средневековым, хотя современные диалекты и являются их наследниками и живут в более или менее тех же территориальных рамках»¹³. Не приходится также забывать, с одной стороны, о том, что средневековые писатели центральной части Средней Азии XV — XVI вв. «сознательно ориентировались на некий общий, наддиалектный язык, стоявший ближе всего к диалектам Ферганы, но безусловно отличавшийся от любого из них»¹⁴, иными словами, в обиходе был региональный литературно-письменный язык. Уже в силу таких не прямых отношений средневекового литературно-письменного языка с живыми народными диалектами того времени средневековый и современные литературные языки Средней Азии не могут иметь настоящей языковой преемственности — она может носить только условный характер. С другой стороны, как подчеркивал А. А. Шахматов, в изменениях самого средневекового литературно-письменного языка «не видно органической связи и преемственной последовательности. Перевес того или иного влияния может совершенно изменить характер языка, направить его на совершенно новые пути»¹⁵. Во-вторых, необходимо иметь в виду, что в современный юго-восточный ареал включаются тюркские языки различных групп — карлукской (по терминологии В. В. Решетова: карлуко-чигиле-уйгурской, куда входят узбекский и уйгурский языки), огузской (туркменский язык), кыпчакской (казахский и каракалпакский)¹⁶ и киргизско-кыпчакской (киргизский язык). Между тем, например, язык «Кутадгу билиг» принято относить к «карлукско-уйгурской подгруппе карлукской группы» (Н. А. Баскаков).

Таким образом, ясно, что о прямой и непосредственной генетической связи всех языков юго-восточного ареала с «ареалами» на двух избранных исторических срезах говорить не приходится. Само собой разумеется, что эти два среза, при всей сложности отношений средневекового тюркского с современными ему живыми народными языками, никоим образом не могут отражать всей сложности исторической диалектной карты юго-восточного ареала, более или менее полная реконструкция которой пока представляется невыполнимой.

Наряду со всем этим необходимо, однако, учитывать, что для лингвогеографии принципиальное значение имеют самые разнообразные формы

¹³ М. А. Б о р о д и н а, указ. соч., стр. 205.

¹⁴ А. М. Щ е р б а к, Грамматика староузбекского языка, М.—Л., 1962 (далее — ГСЯ), стр. 223.

¹⁵ А. А. Ш а х м а т о в, Курс истории русского языка, ч. I, 2-е [литограф.] изд., СПб., 1910—1911, стр. 28.

¹⁶ Как известно, из этих трех исторически более поздних основных групп диалектов состоит диалектная система современного узбекского языка.

языкового контакта и, следовательно, самые разнообразные результаты такого контактирования. Языки же юго-восточного ареала не только имели тесные устные контакты между собой на разных этапах своей истории. Носители этих языков длительный период времени вплоть до Октябрьской революции пользовались — с большей или меньшей степенью интенсивности (степень этого зависела и от того, что ряд народов включился в культурную жизнь юго-восточного ареала много позднее, чем оседлые предки современных уйгуров и узбеков) — одной литературно-письменной традицией, одним литературно-письменным языком. Это общение на уровнях устном и литературно-письменном, с одной стороны, не могло не наложить некоторого отпечатка на современные тюркские литературные языки и на диалекты изучаемого ареала; причем естественно ожидать, что у языков с исторически менее разработанной литературной традицией (какими являются кыпчакские языки в юго-восточном ареале) окажется меньше отклонений из среднеазиатского тюркí. С другой стороны, эти разносторонние контакты не могли не явиться причиной определенных мутаций в самом средневековом среднеазиатском литературном тюркí, которые происходили не без воздействия языков народов, пользовавшихся этим литературным языком. Здесь уместно напомнить, что В. М. Жирмунский считал взаимодействие местных говоров с наддиалектными нормами письменного языка важной теоретической проблемой, встающей при историческом рассмотрении сложных контактов между диалектами и близкородственными языками¹⁷. В основе вариативности литературно-письменного тюркí¹⁸ лежали, однако, не только подобные, объективные факторы, но также факторы, так сказать, «субъективные» (в том числе — стиль и в связи с этим также неодинаковая степень использования как древнеуйгурской культурно-языковой традиции, так и арабо-персидской).

Привлекая к сопоставлению материалы среднеазиатского тюркí, продолжающего оставаться важнейшим источником истории не только литературных языков, но и в известной доле приближения — диалектов изучаемого ареала, мы стремились не только охарактеризовать в системно-грамматическом плане представляемые избранными памятниками приближительные «ареалы», но также пытались соотнести полученные результаты с современным ареальным состоянием.

Для такого исследования была вычленена одна частная глагольная микросистема — глагольные имена, которые мы стремились охватить в возможном многообразии их синхронных проявлений и системно-парадигматических связей, а также в существовавших или существующих соотношениях между различными представителями этой микросистемы в каждом отдельном языковом срезе¹⁹. Используя приемы сопоставления и процедуру наложения таких микросистем в трех выделенных языковых срезах, мы пытались проследить «наличие/отсутствие определенных континуумов»²⁰ во времени и в пространстве, что позволило бы говорить о юго-восточном ареале и в историческом плане.

¹⁷ В. М. Ж и р м у н с к и й, Предисловие редактора, стр. 4.

¹⁸ О вариативности региональных литературных языков см.: М. А. Б о р о д и н а, О территориальных вариантах национального языка, ПЯ.

¹⁹ См.: Г. Ф. Б л а г о в а, Соотносительные глагольные формы и их развитие в узбекском литературном языке, ВЯ, 1958, 4; е е ж е, «Кутадгу билиг», «Бабур-наме» и методика историко-лингвистического сопоставления, «Советская тюркология», 1970, 4; е е ж е, Имена действия в тюркских языках среднеазиатского ареала, «Советская тюркология» (в печати).

²⁰ Э. А. М а к а е в, Вопросы индоевропейской диалектологии, «Проблемы лингво- и этногеографии и ареальной диалектологии. Тезисы докладов», М., 1964, стр. 11.

2. В ходе сопоставительного историко-ареального исследования глагольных имен оказалось необходимым уточнить методические принципы, из которых мы исходим.

Первый из методических принципов состоит в том, что мы стремились избежать «сосредоточения главного внимания на фактах, доказывающих ареальную общность исследуемых языков» (НЗТИ, стр. 16), опасаясь как предвзятости выводов, так и того, что при подобном преимущественном внимании внешнее сходство приведет к нивелировке представлений о сложных переплетениях языковой действительности, к неверному отражению историко-языковых соотношений. Сплошное, а не выборочное исследование в пределах избранного хронологического среза должно дать более объективные результаты; лишь при таком подходе получают реалистическую оценку чисто внешние совпадения в двух или более языках, и во главу угла ставится выявление определенного звена грамматической системы, а не разрозненных «языковых особенностей».

Второй принцип состоит в том, что при сопоставлении необходимо оперировать той или иной грамматической формой как элементом системы языка²¹. Иными словами: сопоставлять не одну лишь грамматическую форму, в данном случае — глагольное имя, но также все производные от него формы, в том числе непременно — и спрягаемые, привлекать к сопоставлению все возможные грамматикализованные конструкции, в которых оно участвует. Таким путем можно будет определить место исследуемой формы в соответствующей микросистеме в ряду других форм, соседствующих с данной, а также установить характер дистрибуции, функциональные нагрузки и функциональную значимость (валентность) этой формы. Только при таком сопоставлении, когда в центре внимания оказываются «основные показатели грамматической категории и грамматической формы: взаимосвязанность, коррелятивность форм, образующих систему (или микросистему), парадигматические отношения между формами» (НЗТИ, стр. 10), можно будет осуществлять системное диахроническое изучение круга форм, относящихся к той или иной грамматической категории.

Третий принцип требует, чтобы исследователям с особой осторожностью относились к любым поверхностным совпадениям в языках одного и того же ареала и особенно — на различных языковых срезах. Дело в том, что за внешними совпадениями внутри группы морфологически родственных форм могут скрываться весьма существенные различия²² — прежде всего, различная частота использования на первый взгляд совпадающих форм в разных языках (resp.: языковых срезах); неодинаковые условия употребления таких форм и неодинаковый объем их функций; вхождение в различные коррелятивные ряды; различные положения, занимаемые исследуемой формой в той микросистеме, к которой она принадлежит, и различная валентность этой формы в разных языках²³.

²¹ Этот принцип является конкретизацией разрабатываемого в современной лингвогеографии системного анализа и интерпретации явлений всех уровней языка, см., например: В. М. Ж и р у н с к и й, О некоторых проблемах лингвистической географии, ВЯ, 1954, 4 (где подвергалась критике атомизация диалектных признаков в лингвогеографии); а также: ВТЛГ; Ф. Т. Ж и л к о, Теоретические основы лингвистического картографирования, ПЯ, стр. 139 и сл.; А. Е. С у п р у н, К системной интерпретации грамматических данных лингвогеографии, «Проблемы лингво- и этногеографии и ареальной диалектологии».

²² Междиалектным и межъязыковым различиям, прежде всего — лексическим различиям в сочетании с грамматическими, в особенности там, где они основаны на древних различиях словообразовательных моделей», большое значение придавал В. М. Жирмунский (см. его «Введение в сравнительно-историческое изучение германских языков», М.—Л., 1964, стр. 24, 76 и сл.).

²³ Мы опираемся здесь на методологический подход, предложенный в трудах: В. В. В и н о г р а д о в, Основные проблемы изучения образования и развития древ-

В соответствии с четвертым принципом пристального внимания заслуживают как синхронно, так и исторически коррелирующие с изучаемой формой однокатегориальные формы (иногда — формы смежной категории). Наряду с конфигурацией самого набора глагольных имен необходимо учитывать, во-первых, формы, существующие параллельно с изучаемым глагольным именем в синхронии (т. е. место его и взаимоотношения внутри соответствующего набора), и, во-вторых, формы, типологически способные заменять его или его производные в изучаемых языках или языковых срезах — в любых функциях, в составе перифрастических, модально-предикативных и других конструкций (т. е. историко-типологические соотношения этих взаимоотношений внутри таких наборов на разных языковых срезах). Здесь в любом случае следует, прежде всего, выявить для каждого языка (гесп. языкового среза) индивидуализированные соотношения изучаемой группы морфологически родственных форм с другой такой группой, которые связаны между собой отношениями коррелятивности. Далее нужно проследить, как в последующих языковых срезах изменяются эти коррелятивные соотношения для данной группы морфологически родственных форм; происходят ли материальные изменения в самом коррелятивном ряде, в который входят (или некогда входили) представители этой группы.

Предлагаемая совокупность методических принципов полярно противоположна «методу исключения», выдвинутому недавно Ш. Шукуровым. Метод этот состоит в том, что, прежде всего, определяются «нормы, общие для всех памятников и всех периодов развития староузбекского литературного языка», затем эти нормы сопоставляются с данными современного узбекского литературного языка, в результате чего выявляются «общие, объединяющие их черты, а также частные случаи, указывающие на их расхождение», причем эти последние случаи квалифицируются как «диалектизмы», «архаизмы» и «заимствования из тюркских языков огузской группы»; на этом основании «д а н н ы е, н е п о д х о д я щ и е п о д о б щ у ю н о р м у староузбекского литературного языка, н е и с п о л ь з о в а л и с ь п р и с о п о с т а в л е н и и, т. е. о н и и с к л ю ч а л и с ь ...»²⁴ (разрядка наша. — Г. Б.). Применение «метода исключения» ведет к полной нивелировке языкового своеобразия любых письменных памятников всех периодов в развитии тюркских языков, а в историко-грамматическом плане совершенно снимает, в частности, проблему неповторимости для любого языка как соотношения морфологически родственных форм внутри составляемой ими группы, так и соотношения изучаемых форм внутри соответствующего «соотносительного поля» (по выражению В. Н. Ярцевой).

Между тем, использование сформулированных выше четырех методических принципов дает гораздо более сложную картину языковой действительности и позволяет хотя бы условно «измерить глубину расхождений», с одной стороны, между выделенными хронологическими срезами, а с другой — между современными языками юго-восточного ареала.

III. 1. На основе применения этих принципов удалось выделить группу родственных по своему образованию грамматических форм (и конструкций). Ядром такой группы является то или иное имя действия, к которому примыкают производные формы, образованные путем наращения к нему одного или более аффиксов (чаще всего — именного словообразо-

нерусского литературного языка, «Исследования по славянскому языкознанию», М., 1961, стр. 13, 40 и сл.; е г о ж е, Проблемы литературных языков и закономерностей их образования и развития, М., 1967; е г о ж е, О новых исследованиях по истории русского литературного языка, ВЯ, 1969, 2.

²⁴ Ш. Шукуров, Староузбекский и современный узбекский литературные языки, «Советская тюркология», 1972, 1, стр. 92.

вания, а иногда и формообразования). Такие производные формы обычно имеют самостоятельную сферу функционирования, а грамматикализованные конструкции, в основе которых лежит имя действия, нередко вообще выходят за пределы морфологической парадигматики²⁵. Морфологически родственную группу составляет, например, имя действия на *-γu* вместе с производными от него формами и образуемыми на основе некоторых из них перифрастическими и иными конструкциями. Сюда относится будущее категорическое *-γu-m-dur*; нереальное «будущее в прошедшем» *-γu e(r)di*; желательная конструкция типа *al-γu-m keldi (al-γum bar (joq))*; образования на *-γu-luq, -γu-siz, -γu-či, -γu-ča, -γu-dekl/-γu-daj*; перифрастическая конструкция *-γudekl/-γudaj bol-*. Другую такую группу составляет имя действия на *-maq* и производные от него *-maq-liq*, спрягаемые формы *-maq-ta edi, -maq-či, -maq-ši edi*; перифрастические конструкции *-maq bol(-sa), -maqta bol(-gan), -maqči bol-*.

Естественно, что в одних из привлекавшихся к изучению языков эти группы форм представлены более полно, в других — менее полно, в третьих — минимально. Так, в юго-восточном ареале группа форм на *-γu* присуща, главным образом, «карлукским» языкам, а группа форм на *-maq* — «карлукским» и огузским (туркменскому) языкам. «Осколочная» форма на *-γudaj* в южном диалекте каракалпакского языка или формы на *-maq, -maqta, -maqču*, представленные преимущественно в предикативной сфере среднеазиатских кыпчакских языков, уже по самому своему положению в глагольной системе этих языков должны рассматриваться как результат ареального взаимодействия тюркских языков юго-восточного ареала. В свою очередь, группа форм, в основе которых лежит имя действия на *-u (u)*, присуща преимущественно кыпчакским языкам (в том числе и киргизскому). Так, *-u(u)*, спрягаемая форма *-u(u)da* («настоящее длительное время»), производные формы *-u(u)šy, -u(u)-šy-lyq, -u(u)-syz, -u(u)...-ša* представлены во всех трех кыпчакских языках (в киргизском место *-š-* во всех этих формах занимает *-č-*); в казахском и каракалпакском — *-u-ly* (в казахском это не только атрибутивная, но и спрягаемая форма, а в западном его диалекте и в говорах урдинских и туркменских казахов — исключительно только спрягаемая форма), *-u-daj, -u-daryu, -u-syz-lyq*; в казахском — *-u-yl, -u-yq, -u-ir, -u-lyq*, предикативная *-u edi* (со значением пожелания), *-u-šy edi* («обычное действие в прошлом»); в киргизском *-(uu)ču* («прошедшее длительное время»). Что же касается современного представителя другой среднеазиатской языковой группы, «карлукской», — узбекского языка, издавна контактировавшего с кыпчакскими языками Средней Азии, то там группа на *-(u)w* представлена небольшим числом соотносительных форм (*-uw, -uwči* и малопродуктивные *-uwli, -uwčan*). Учитывая к тому же, что известно лишь несколько случаев употребления отглагольного имени на *-(u)w* в текстах староузбекского языка (ГСЯ, стр. 145), которые из-за единичности, по-видимому, можно отнести на счет переписчиков, *-(u)w* в узбекском языке целесообразно рассматривать как ареальную инновацию.

Поскольку, с одной стороны, в любой такой группе морфологически родственных форм имеется явственная соотношенность, причем не только формальная, но и по грамматическому значению, отчасти — и по выполняемым функциям, а с другой стороны, в своем развитии морфологически родственные формы внутри таких групп оказываются взаимосвязаны и соотносимы, то морфологически родственные формы, составляющие любую из таких групп, правомерно назвать соотносительными.

²⁵ Типологически схожие явления см.: М. М. Г у х м а н, Понятие системы в синхронии и диахронии, ВЯ, 1962, 4, стр. 30.

2. Соотношения глагольного имени и его производных внутри таких групп никогда не бывают одинаковыми для двух разных, хотя и близкородственных языков (resp.: языковых срезов). Именно эти соотношения являются своего рода мерилем несходства (или: возможной «единицей измерения глубины расхождения») двух сопоставляемых языков. Для определения этого необходимо сначала выяснить объем соотносительных групп, образуемых изучаемой формой в том и другом языке (срезе), а затем посредством процедуры наложения проверить, совпадают ли эти группы по количеству и характеру своих составляющих в обоих языках; при этом следует учитывать функциональные и количественные характеристики каждой из соотносительных форм, ее позицию в соответствующей микросистеме и ее валентность.

Так, в языке «Кутадгу билиг» и языке «Бабур-наме» употребляются, казалось бы, одинаковые по составу своих производных группы морфологически родственных форм на *-ғи*. И тем не менее при детальном изучении становятся совершенно очевидными различия в объеме функций имени действия на *-ғи* в обоих письменных памятниках.

В языке «Кутадгу билиг» *-ғи* является активным и продуктивным именем действия — оно склоняется, принимает аффиксы принадлежности, а из чисто глагольных показателей — аффикс отрицания; в дат.-направит. падеже это имя действия имеет целевое назначение («супин»). Здесь наиболее полно представлены все возможные производные имени действия на *-ғи*. В предикативной сфере *-ғи* широко используется как в своем «чистом виде», чаще всего не требуя даже лично-числовых показателей, так и в производной форме *-ғилуғ*, а также в составе различных конструкций: *-ғи erdi*, *-ғи ersa*, *-ғи ertmaz*, *-ғи joq*, *-ғи boldi*, *-ғи bolsa*, *-ғи bolur*; особо подчеркнем, что в сочетаниях с модально-предикативными словами типа *kerek* «нужно» здесь также представлено имя действия на *-ғи*.

В языке «Бабур-наме» *-ғи* «в чистом виде» — это уже не имя действия, а изредка употребляющееся отглагольное существительное. Принципиально иной статус *-ғи*, с одной стороны, сказался на положении, занимаемом в глагольной системе всей группой соотносительных с *-ғи* форм и конструкций в целом; с другой стороны, по сравнению с языком «Кутадгу билиг» здесь изменились и соотношения внутри этой морфологически родственной группы, произошли смещения в валентности почти каждой из таких соотносительных форм. Хотя здесь, как и в языке «Кутадгу билиг», обнаружилась достаточно глубокая укорененность этих форм в предикативной сфере, однако в языке «Бабур-наме» явственны принципиальные ограничения по сравнению с многообразием предикативных использований *-ғи* в «Кутадгу билиг». В языке «Бабур-наме» представлено все еще продуктивное будущее категорическое время (*-ғи-m-dur*); гораздо менее употребительно в языке тюрки (оно находит применение преимущественно в поэтическом стиле) нереальное «будущее в прошедшем» (*-ғи erdi*); изредка используются в предикативной функции производные *-ғилуғ*, *-ғидек*. Достаточно широким оставалось употребление *-ғидек* в атрибутивной (по отношению к имени и к глаголу), реже — в предикативной функциях; *-ғиди* часто использовалось не только в агентивном, но и в «причастном» значении, сохраняя при этом способность к глагольному управлению. Значительно реже употреблялось атрибутивное *-ғисиз*.

Если в этом плане обратиться далее к современному узбекскому литературному языку, то здесь находим уже лишь «осколки» этой группы соотносительных форм: конструкции типа *alғum kel(ma)di* (*alғum bor/joq*), форму *-ғидек/-ғудай* в обстоятельственной функции и образованную на ее основе перифрастическую конструкцию *-ғидек/-ғудай бол-*; в качестве «стилизующих архаизмов» в языке художественной литературы изредка ис-

пользуются *-yüci* и «будущее категорическое» преимущественно в форме 3-го лица ед. числа *-yüsidir*. Уже из этого примера видно, насколько субъективны утверждения о совпадении основных норм «в староузбекском и современном узбекском литературных языках». При системном подходе отмеченные различия этих двух языковых срезов в отношении формы на *-yü* и ее производных никоим образом не поддаются «исключению» — их просто невозможно сбросить со счетов ни как «архаизмы», ни как «диалектизмы» или «заимствования» из других тюркских языков.

3. Далее процедуру наложения следует применить к наборам глагольных имен, каждый из которых используется в соответствующем языковом срезе. Таким только путем можно выяснить, одинаковой ли является конфигурация набора глагольных имен или же она меняется от языка к языку (resp. срезу); идентичным ли является место данного глагольного имени среди других или же нет в различных языках (срезах). В языке «Кутадгу билиг» в такой набор входят формы *-gan*, *-miš*, *-dük*; *-(u)r*, *-(i)gli*, *-dači*; *-yü*, *-mak*, *-(i)š*. В языке «Бабур-наме» набор глагольно-именных форм никак нельзя назвать совпадающим с вышеназванным: это *-gan*; *-aturgan*/*-adurgan*, *-(u)r*; (производные от) *-yü*, *-mak* (с заметными изменениями в характере употребления и в распределении позиций в микросистеме для двух последних имен действия в пользу *-mak*), *-(i)š*. В современном узбекском литературном языке подобный набор форм существенно отличается от двух вышеприведенных: *-gan*; *-adigan*, *-ajotgan*, *-ažak*; *-moq*, *-(i)š* (с явственным перемещением центра тяжести на *-iš*), *-(u)w*. Все эти существенные различия — как в составе самих трех наборов глагольно-именных форм, так и в неодинаковом объеме функций, частоте употребления, различной валентности внешне, казалось бы, совпадающих форм, в составе их соотносительных групп, естественно, не дают оснований говорить о «совпадении основных норм» на изучаемых трех языковых срезах. Более того, эти различия требуют иного объяснения, нежели с точки зрения непрерывного языкового развития²⁶ или же с позиций абсолютизируемой иногда неизменности «древнеуйгурской языковой основы» в средневековых тюркских письменных языках на протяжении многих столетий.

4. Внутри названных наборов можно выделить группы форм, диахроническое изучение которых показывает, что они связаны друг с другом отношениями коррелятивности. Так, принципиально иное положение формы на *-yü* в глагольно-именной систематике языка «Бабур-наме» (по сравнению с языком «Кутадгу билиг») вызвало своего рода «цепную реакцию», результатом которой явилось выдвигание на доминирующее место имени действия на *-maq* (оно было представлено и в языке «Кутадгу билиг», где употреблялось, в основном, субстантивно): именно оно в языке «Бабур-наме» выполняет многие функции, которые в языке «Кутадгу билиг» несет имя действия на *-yü*. Форма на *-maq* в языке «Бабур-наме» не только сосредоточила в себе все субстантивные функции, присущие ей как имени действия. В предикативной сфере именно *-maq* представлено в сочетаниях с модально-предикативными словами *kerek*, *mümkün* — так же, как и в перифрастических конструкциях — *-maq bol*-, *-maqqa bol*-, *-maqči bol*-; в то же время «настоящее длительное» на *-maqta* в тюрки имело довольно ограничен-

²⁶ В современном узбекском языкознании за последние годы успешно развивается вполне реалистическое воззрение, в соответствии с которым изучение языка таких средневековых памятников, как, например, «Кутадгу билиг», «должно пролить свет на историю тюркских языков и прежде всего узбекского, уйгурского, туркменского, казахского и киргизского» (Г. А. Абдурахманов, Исследование по старотюркскому синтаксису, М., 1967, стр. 3; см. также: Қ. Қаримов, «Кутадгу билиг» асари ҳақида, в кн. Юсуф Хосхожиб, Қутадгу билиг. Намрга тайерловчи Қ. Қаримов, Тошкент, 1971).

ное употребление (ср. ГСЯ, стр. 144); в «Бабур-наме» достаточно часто наблюдается «прошедшее длительное» чаще в форме *-maqta edi*, иногда — в форме *-maq edi*; употребительными здесь были также предикативные формы модального значения *-maqči dur* и *-maqči edi*.

Привлекая к сопоставлению современный узбекский литературный язык в отношении группы соотносительных форм на *-moq*, мы и в этом случае не смогли заметить сколько-нибудь полного «совпадения основных норм» его с таковыми в языке тюрки XV—XVI вв. В узбекском языке *-moq* угасает как имя действия, будучи малоупотребительным даже в книжном языке. В субстантивном использовании, а в значительнейшей мере также и в сочетаниях с модально-предикативными словами место *-moq* заняло более «молодое» имя действия на *-(i)š* (и в «Кутадгу билиг», и в «Бабур-наме» *-iš* находилось на промежуточной ступени развития между отглагольным существительным и именем действия). Но имя действия на *-(i)š* в узбекском все же в очень малой еще степени проникло в сферу предикативную — там по-прежнему используются, хотя и с определенными ограничениями производные от *-moq*: *-moqda* и *-moqda edi*, *-moqči* и *-moqči edi*, а также недостаточно частотные перифрастические конструкции *-moq bolsa*, *-moqda bolgan*, *-moqči bol-*; ср. единственную модель перифрастической конструкции с *-(i)š* — *-(i)š bolsa* (в языке «Бабур-наме» употреблялась несколько иная модель соответствующей перифрастической конструкции, отличающаяся большим акцентированием именного характера смыслового глагола, — *-išliq bolsa*). Сопоставление узбекского языка с «Бабур-наме» показывает, что группа соотносительных форм на *-moq* занимает в узбекском такое положение, которое можно было бы сравнить с положением группы соотносительных форм на *-yu* в языке «Бабур-наме», если в этом последнем случае учитывать и место, занимаемое этой группой в языке «Кутадгу билиг».

5. Воздействие доминирующего положения того или иного глагольного имени в ряде случаев не ограничивается пределами данной «малой подсистемы» и вторгается в смежные подсистемы, синхронно или вне обращения к типологии родственных языков непосредственным образом, казалось бы, не соотносимые между собой. Так, например, в языке «Бабур-наме» причастие на *-gan* как наиболее продуктивное и употребительное проникает в сферу одного из производных имени действия на *-yu* — «вторичного деепричастия» на *-yuča* («экативная» форма от *-yu*): последнее оказалось здесь сильно потесненным конструктивно сходным образованием *-ganča* (контаминированная форма *-gunča*), производным от *-gan*.

Оказывается далее, что даже такие относительно далекие друг от друга компоненты этой области глагольной систематики, как первичное деепричастие на *-a*, с одной стороны, и имена действия на *-(i)š*, *-(u)w*, с другой, потенциально — в диахроническом аспекте — могут быть в отдельных своих использованиях не только соотносимы, но и взаимозаменяемы. Например, использование этих деепричастий или имен действия в так называемой «начинательной» конструкции (с глаголом *kiriš-*) в конечном счете зависит от степени продуктивности и активности названных форм. В языке тюрки, где деепричастие на *-a* сохраняло достаточную продуктивность, а имя действия на *-(i)š* находилось на одной из начальных ступеней движения от отглагольного имени к статусу имени действия, в «начинательной» конструкции смысловой глагол имел форму деепричастия на *-a* (*ajta kiriš-* «начать говорить»). В современном узбекском языке, где сфера действия деепричастия на *-a* резко сужена (практически оно перестало быть самостоятельной формой), а *-(i)š* является одним из наиболее употребительных имен действия, та же конструкция приобрела вид *ajtiška kiriš-*, т. е. в ней смысловой глагол участвует в форме дат.-направит. падежа имени действия на *-(i)š* (та же самая модель представлена в современном

уйгурском языке: *jezişqa kiriş-* «начинать писать»). В туркменском, где примерно одинаково употребительные *-mak* и *-iş* конкурируют между собой, в этой конструкции участвует *-mak* в дат.-направит. падеже (*jazmaga gii-riş-*, по сообщению З. Б. Мухаммедовой). В киргизском и казахском, где наиболее продуктивным является имя действия на *-uu*, та же конструкция имеет структурно схожий облик: кирг. *ajtuuga kiriş-*, казах. *žazuğa kiris-* (по сообщению Ш. Ш. Сарыбаева), т. е. смысловый глагол выступает в форме дат.-направит. падежа имени действия на *-uu*. Примечательно, однако, что в «начинательных» конструкциях с глаголом *başla-* современный узбекский и уйгурский языки сохраняют за смысловым глаголом форму деепричастия *-a, -j* (узб. *ailana boşla-* «начать вращаться», уйг. *jaza başla-* «начать писать», то же в татарском языке; ср., однако, в турецком и гагаузском, где «начинательные конструкции» с *başla-* структурно близки современному среднеазиатско-тюркским конструкциям с *kiriş-*: турецк. *-mağa başla-*, гагауз. *-maa başla-*). На этом примере с ясностью прослеживается неравномерность развития угасающей формы в составе связанных конструкций.

Подобные явления можно было бы истолковать как свидетельствующие о том, что изменения в соотношениях внутри наборов глагольно-именных форм могут воздействовать не только на однокатегориальные, но и на смежнокатегориальные участки глагольной систематики. Но в то же время именно в таких случаях можно усматривать своего рода разрыв исторического континуума (скажем, для тюрки и современных узбекского, уйгурского языков) и сложение еще одной ареальной черты конструктивного типа.

6. Продолжая наблюдения над подобными явлениями в среднеазиатско-тюркских языках в историко-типологическом плане (особенно если, отвлекаясь от временной и конкретно-языковой принадлежности, рассмотреть возможности слово- и формообразования на базе изучаемых глагольных имен), можно в предварительном порядке наметить объединяющие эти языки некоторые общие структурные модели конструктивно и семантически схожих форм и грамматикализованных сочетаний, в основе которых лежат глагольные имена. Так, если отвлечься как от соотношения планов синхронии и диахронии, так и от принадлежности тех или иных форм к различным языкам юго-восточного ареала, то окажется, что выступать в местном падеже в качестве спрягаемой основы способны были чуть ли не все имена действия — как «старые» (*-yu²⁷, -maq*), так и более поздние (*-(i)ş, -uu*). Можно привести также ряды вторичных глагольно-именных образований, в строении которых обнаруживается «морфемный шов» — соединение форманта глагольного имени с одним из аффиксов именного (реже — наречного) словообразования и соответственно — известная соотношенность с корреспондирующими словообразовательными моделями имен (наречий) в отношении грамматического значения и синтаксических функций: *-yu-çi, -maq-çi, -(u)u-çi* (казах. *-u-şy*, узб. *-uu-çi*); *-yu-luq, -maq-lik*, казах. *-u-lyq*, уйг., кирг. *-iş-lik; -iş-li, -(u)u-ly; -yu-siz*, кыпч. *-u-syz*, уйг. *-iş-siz*; ср. также: узб. *-(u)w-čan* (в алтайском возможен тип *-uş-čan*), узб. диалектн. *-mäk-čin*, туркм. *-maq-çyl; -yu-ča*, уйг. *-iş-čä*, кирг. *-uu-ča*, казах., ккалп. *-u-şa; -yu-dek/-yu-daj*, уйг. *-iş-täk*, казах. ккалп. *-u-daj*. Надо полагать, что более детальное рассмотрение этих и многих других возможных рядов позволит со временем поставить вопрос об условиях и требованиях морфемной сочетаемости в подобных вторичных образованиях.

²⁷ Редко встречающуюся форму *-yuda turur (jürügüda turur)* см., например, в кн.: А. М. Щербак, Огуз-наме. Мухаббат-наме, М., 1959, стр. 38.

Из числа конструктивно схожих «связанных» сочетаний, в которых участвуют те или иные имена действия, назовем лишь некоторые. Кыпчакская модель «имя действия в дат.-направит. падеже + модально-предикативное слово (*mümkün, keräk*)» по разным языкам (диалектам) может использовать для своей реализации разные имена действия — в зависимости от того, какое из них занимает доминирующее положение в том или ином языке: ср. ккалп.-(*u*)*wga mümkin*, кирг. *-uuga mümkün* наряду с *-(y)ška mümkün*; казах.-*uga mümkün* (наряду с историческим *-taqqa kerek*); в говоре ставропольских туркмен *-maqa gerek*. Эти предварительные наблюдения, разумеется, не могут исключить того, что при более широком привлечении тюркских языков к историко-типологическому изучению некоторые из намеченных структурных моделей окажется возможным квалифицировать как присущие более широкому региону распространения тюркских языков, а отдельные модели — даже и как общетюркские.

7. Всестороннее сопоставительное изучение функционирования глагольных имен на каждом из трех языковых срезов привлекло наше внимание к предикативному использованию любого глагольного имени в каждом из языков, а это позволило сделать известные выводы в плане историко-грамматическом и, в частности, предложить своеобразный, чисто практический критерий «измерения возраста» имен действия в изучаемых тюркских языках. При помощи этого критерия, построенного на учете общей специфики развития имен действия внутри глагольной систематики, можно определить, принадлежит ли то или иное имя действия в данном языке к чертам более старым (исконным) или же оно является здесь инновацией и какой именно — ранней или поздней. Применение этого критерия в дальнейшем, возможно, позволит осуществить попытку построения относительной хронологии отдельных процессов, протекавших в некоторых тюркских языках юго-восточного ареала.

Сформулировать этот критерий помогло установление того факта, что соотносительные глагольно-именные формы, входящие в ту или иную морфологически родственную группу, развиваются неравномерно не только в смысле утраты одних из них и продолжающегося сохранения других, но также и в плане функциональном. Выясняется, в частности, что не на всех ступенях развития имени действия возможно его функционирование в предикативной области — предикативное использование имени действия оказывается связанным с максимальной активизацией его глагольных черт. В то же время при угасании той или иной глагольно-именной формы как таковой, при постепенной или даже полной утрате ее в атрибутивных и субстантивных функциях, по нашим наблюдениям, из предикативной сферы такая форма обычно уходит в последнюю очередь, а порой еще надолго там задерживается. Например, в языке «Бабур-наме» *-miš* уже не представлено как причастие, однако оно задержалось здесь в своем предикативном использовании — ср. изредка употребляемое, но все еще регулярно спрягаемое прошедшее время на *-miš*, совсем редкое давнопрошедшее на *-miš edi*. Широко распространена была здесь перифрастическая конструкция *-miš bolqaj* и модальный компонент *e(r)miš*; в современном узбекском (реже) и в уйгурском (намного шире) представлена только модальность на *emiš* или *-miš*.

Предлагаемый критерий «измерения возраста» имен действия основан именно на учете степени проникновения того или иного имени действия в предикативную сферу (и, соответственно: сохранения в ней). В самом деле, если имя действия «старое» в данном языке, вполне развившееся, может быть, даже перешагнувшее свой «апогей» развития и клонящееся к спаду, то оно обязательно проникло в глагольное спряжение — или прямо и непосредственно, или же посредством своих производных форм, наконец,

перифрастических конструкций, сочетаний с модально-предикативными словами. В языке «Кутадгу билиг» таким именем действия было *-yu*. В языке «Бабур-наме», в современных узбекском, уйгурском литературных языках — это *-maq* и отчасти *-yu* (подробно см. об этом выше; эти формы свидетельствуют о линии известной преемственности, о наличии хотя бы и частичного континуума в этих языковых срезах).

Иное положение занимает форма на *-maq* в кыпчакских языках юго-восточного ареала. Здесь эта форма или ее производные так или иначе представлены преимущественно в сфере глагольного спряжения, однако в глагольной системе каждого из этих языков *-maq* уже не образует собственной разветвленной группы соотносительных форм, будучи неравномерно и неодинаково представлена в каждом языке. Так, в казахском и киргизском *-maq* регулярно спрягается «в чистом виде», образуя модальные формы со значением намерения в казахском и долженствования в киргизском; в каракалпакском употребляется регулярно спрягаемое «настоящее продолжительное время» на *-maq-da*, эта же форма свойственна джержетальскому говору киргизского языка; спрягаемая форма на *-maqčy* отмечается во всех трех языках, причем в казахском на основе ее сложилось долженствование пассивное, а в киргизском — это самая употребительная из всех форм, связанных с *-maq*; во всех трех языках наблюдаются перифрастические конструкции *-maq bol-*, *-maqčy bol-*. Если принять во внимание критерий «измерения возраста» имен действия, а также описанное выше положение *-maq* в кыпчакских языках (где, кстати, эту форму принято считать заимствованной), то для казахского, каракалпакского, киргизского языков *-maq* следует признать инновацией, давно проникшей в эти языки при поддержке ареальных тенденций, создаваемых как соседними языками, так и воздействием общей литературно-письменной традиции.

В узбекском имя действия на *-(u)w*, напротив, не имеет ответвлений в глагольное спряжение. Между тем, в кыпчакских языках — казахском, каракалпакском, киргизском, для которых эта форма является исконной, *-(u)u* в составе различных производных от него форм и конструкций заняло свое место в глагольном спряжении. Во всех этих трех языках *-(u)u* в местном падеже составляет регулярно спрягаемую основу «настоящего длительного времени». В казахском один из оттенков пожелания выражается предикативной формой *-u + edi (osyny aqyldas-u edi* «посоветоваться бы об этом»), а использованная в предикативной функции производная форма *-u-ly* передает «сомнительное прошедшее время» и может сочетаться с модальными словами *eken, tur, žatyr, emes*; в говорах урдинских и туркменских казахов, вообще в западном казахском диалекте *-uly* является исключительно показателем прошедшего времени и употребляется только в 3-м лице, не принимая аффиксов лица и числа и не присоединяя модальных слов.

Регулярно спрягаются казахская форма *-u-šy edi*, обозначающая обычно действие в прошлом (*beruši edim* «я давал», *beruši edin* и т. д.), и киргизское «прошедшее длительное время» *-(uu)čy* ²⁸.

Присущие ряду узбекских диалектов (преимущественно кыпчакского типа) будущее время на *-yučti* и незаконченное прошедшее на *-yučedi* представляют собой яркий пример того, как встретились и скрестились волны кыпчакского воздействия (ср. казах. *-u-šy edi*, кирг. *-uučy*) и карлукский субстрат, поддерживаемый авторитетом старинной литературно-письменной традиции. Усматривать в этих диалектных формах специфические аре-

²⁸ Иную точку зрения на морфемный состав и происхождение последней формы высказал Н. А. Баскаков; см. его статью: «Форма глагола на *-чыл/-чик, -чу/-чу* в хакасском, тувинском и киргизском языках» («Вопросы тюркологии», Ташкент, 1965, стр. 8—9).

альные образования возможно еще и потому, что, по нашим наблюдениям, *-yüči* ни на одном из избранных языковых срезов не проникло сколько-нибудь глубоко в сферу глагольного спряжения, хотя узбекские диалектологи и разлагают эти формы на *-yüč(i) + ti(r)* или *-yüč(i) + edi*. Самый облик форм на *-yüčti*, *-yüčedi* наглядно подтверждает положение М. Б. Эмено о том, что в результате языковых контактов «диффундировать может структура, а материал, как правило, остается своим» (цит. по: ОВЛГ, стр. 29).

Примечательно, что имя действия на-(*u*)*w* и его производные, будучи особенно широко употребительны в кыпчакском наречии узбекского языка, укоренились даже в узбекском литературном языке, в то время как *-yüčti*, *-yüčedi* имеют более ограниченный ареал (узбекские диалекты кыпчакского типа). Тем не менее, даже и при неполном совпадении ареалов этих двух рядов форм, опираясь на показания исторических языковых срезов, можно заключить, что связь между обоими рядами бесспорна.

Таким образом, применение предложенной методики, во-первых, позволило отнести на-(*u*)*w* в узбекском к числу недавних инноваций ареального характера, поскольку оно не успело еще проникнуть в сферу глагольного спряжения; точно такой же ареальной инновацией это имя действия является, например, в сакарском диалекте туркменского языка. (Узбекское *-iš*, также почти не участвующее в глагольном спряжении, но представленное на обоих исторических срезах, мы рассматриваем в качестве сравнительно «молодого» имени действия, не разविшегося еще до своего «аногеея».) Во-вторых, стало возможным показать, откуда пошли рассматриваемые инновации (из кыпчакских языков), и продемонстрировать одно из направлений возможных воздействий при контактировании близкородственных языков.

Вполне возможно, что в предложенный критерий «измерения возраста» имен действия со временем будут внесены известные коррективы — после того, как будет проведено сплошное обследование этой области глагольной систематики по всем тюркоязычным памятникам, например, юго-восточного ареала. Однако уже тот факт, что этот критерий был выдвинут на основе сопоставительного изучения трех избранных хронологических срезов, сам по себе может свидетельствовать в пользу достаточности использования на первых порах системного описания такого рода разрозненных языковых срезов, хотя бы и приблизительно относящихся к одному ареалу.

IV. Проведенное исследование на основе предложенной методики оказалось результативным в четырех планах.

Во-первых, в историко-грамматическом плане: предложенный критерий «измерения возраста» имен действия может оказаться важным при попытках построения относительной хронологии процессов, происходивших в глагольной подсистеме. Другой, важный в историко-грамматическом плане, фактор — выявление неповторимых, глубоко индивидуальных соотношений глагольного имени и его производных внутри соотносительных групп для каждого языка и каждого языкового среза и характер изменения этих соотношений от языка к языку, от одного среза к другому — может быть использован в качестве «единицы измерения глубины расхождений» между сопоставляемыми языками.

Во-вторых, в плане лингвогеографическом, поскольку сопоставление соответствующих морфологически родственных групп, ядром которых является то или иное глагольное имя, в современных тюркских языках изучаемого ареала показало существование целого ряда чисто ареальных схождения в этой области глагольной систематики. К ареальным чертам можно отнести достаточно глубокое проникновение *-maq* и не-

которых его производных в сферу глагольного спряжения казахского, каракалпакского, киргизского языков; проникновение кыпчакского имени действия на- (*u*)*w* в узбекский язык, а также в отдельные туркменские диалекты и говоры; наличие контаминированных форм *-yücti*, *-yücedi* в узбекских диалектах кыпчакского типа; «осколочную» карлукскую форму *-yudaj* в южном диалекте каракалпакского языка. Эти ареальные черты, относящиеся к очень частной глагольной микросистеме, можно было бы подкрепить нашими наблюдениями в области использования аффикса *-š* (обычно: показателя взаимно-совместного залога) в глаголе для выражения неопределенного множества производителей глагольного действия: эта явно ареальная черта объединяет киргизский, казахский, уйгурский языки и ряд узбекских говоров (ташкентский, западноферганские и в их числе кокандский, намаганский, андижанский, каршинский переходные говоры Кашкадарьинской области). Обнаруженные признаки ареальной общности в глагольной системе современных юго-восточных тюркских языков позволяют поставить под сомнение утверждения тюркологов о том, что черты ареальной близости более всего присущи лексике и в меньшей мере — грамматике.

В-третьих, в плане историко-ареальном, поскольку мы пытались прояснить соотношения изучаемых микросистем двух хронологических срезов и каждого из современных тюркских языков юго-восточного ареала. Предложенная методика, привлекая внимание не только к сходствам и совпадениям, но и к любого рода различиям, позволяет наметить более сложную и объективную картину развития ограниченной области глагольной систематики, лишенную прямолинейно понимаемой преемственности в языковом развитии литературно-письменных языков средневековья и современности. Элементы «преемственности» одного типа (известная системность сохраняемых форм, которая накладывает свой отпечаток даже и на поздние инновации, например, *-yücti*, *-yücedi* в узбекских говорах; бытование характерных архаизмов на фоне наборов глагольных имен, которые имеют некоторые черты сходства со средневековыми) обнаружены в большей мере для узбекского, уйгурского, отчасти для туркменского, хотя и здесь очевидны целые ряды разрывов континуума и отсутствие более или менее полных и точных совпадений при наложении рассматриваемых микросистем. В казахском, каракалпакском, киргизском (т. е. в кыпчакских) языках представлен совершенно другой тип «преемственности»: «сохраняемые» формы составляют либо весьма ущербные соотносительные группы, лишенные, например, основной формы при наличии производных от нее (так, во всех этих языках заметно перемещение формы на *-maq* преимущественно в сферу глагольного спряжения), либо вовсе их не составляют, имея явно выраженный осколочный характер; «архаизмы» (а точнее — относительно давние инновации) бытуют внутри наборов глагольных имен, принципиально отличающихся от средневековых.

В-четвертых, в плане изучения истории литературных языков юго-восточного ареала, поскольку именно ареальные сопоставления, оснащенные исторической ретроспективой, могут подвести нас к решению «темных» вопросов, касающихся исторических взаимоотношений между тюркскими языками Средней Азии — в аспекте как их живого, устного контактирования, так и воздействия письменно-литературной традиции. Эти вопросы, представляющие самостоятельную область исследования, приобретают особую актуальность в настоящее время, когда делаются попытки возродить на несколько модернизированной основе концепцию 20—30-х годов XX в., гласящую, что современный узбекский национальный язык формировался на базе староузбекского (геогр.: «чагатайского») литературного языка.